

К проблеме описания служебных единиц (на японском материале)¹

А. С. Панина (ИВ РАН)

Традиционно служебные единицы выделяются по семантическому признаку (по отсутствию лексического значения); задача данной статьи - дать им более строгое определение с точки зрения *сущностного подхода*, разработанного З.М. Шаляпиной. В рамках этого подхода все языковые единицы (корни, аффиксы, клитики и проч.) признаются устроенными одинаково: как сущности - носители валентностей; зато различаются две ситуации: 1) когда некоторая единица реализует собственные валентности, 2) когда она реализует валентности, *унаследованные* ею от другой сущности. Вторая ситуация типична для единиц, традиционно относимых к служебным (так, сильноуправляемый предлог наследует валентность хозяина). Предлагается определить служебные единицы как способные употребляться в качестве валентностных наследников.

Однако валентностное наследование происходит не только при сильном управлении. Единицы, полнозначные с точки зрения традиции, могут выступать в качестве валентностных наследников - например, при сочинительном сокращении один из однородных членов реализует вместе с собственными валентностями аналогичные валентности, унаследованные от другого. Поэтому служебную единицу предлагается определить как *идиоматичный валентностный наследник* - такой валентностный наследник, допустимость которого в этом качестве входит в свойства хотя бы одной другой единицы или класса единиц.

Определения многих фундаментальных понятий лингвистики отличаются неоднозначностью, явной или скрытой; хотя их практическая необходимость несомненна, попытки формализации сталкиваются с трудностями. Не является исключением и понятие служебных единиц.

Служебные слова традиционно выделяются по семантическому критерию - как противоположность полнозначным, или знаменательным. Есть исследования, в которых по этому признаку делятся не только слова, но вообще все морфемы; в частности, применительно к японскому языку В.М. Алпатов распространял противопоставление полнозначных и грамматических единиц, помимо слов, на аффиксы и форманты (1, с. 13). Общепризнано также, что служебные слова "приближаются к словоизменительным морфемам... и находятся на грани словаря и грамматики" (2, с. 472).

Однако характерно, что нет традиционного термина, который бы объединял служебные слова с аналогичными единицами других морфологических классов (в данной статье в этом качестве употребляется термин "служебные единицы"); можно также заметить, что обычно

---

¹ Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ, гранты № 04-01-00623, 04-06-80112

не говорят о полнозначных аффиксах, клиниках и т. п. Это заставляет предположить, что в традиционных представлениях о служебных единицах помимо семантического критерия скрыто действует другой - формальный. Единицам, морфологически несамостоятельным, как бы изначально отказывается в знаменательности.

Такие же выводы можно сделать из определения грамматического значения в "Лингвистическом энциклопедическом словаре": среди грамматических значений выделяются "референциальные (несинтаксические), отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности" (2, с.116). Вероятно, к ним относятся как раз "полноценные" значения, выраженные "неполноценными", несамостоятельными морфемами. Но главным свидетельством неявного столкновения двух критериев является понятие "служебных частей речи", какими в русской академической грамматике считаются предлоги, союзы и частицы (2, с.473). Утверждение о том, что некоторая часть речи, т.е. словоизменительный класс, целиком состоит из служебных единиц, строится на предположении, что соответствующие формальные свойства гарантируют семантическую опустошенность единицы.

Действительно, на практике полнозначность обычно сопутствует синтаксической самостоятельности, и большинство лексических значений выражается корнями слов нескольких "знаменательных" частей речи. Но с точки зрения теории знака очевидно, что в общем случае нельзя предполагать связи между характером значения и тем, выражается оно корнем или аффиксом. Формальный критерий лишь размывает понятие служебной единицы, и следует согласиться с теми исследователями, которые в этом вопросе опираются лишь на семантические свойства.

Кроме того, использование чисто семантического критерия делает понятие служебной единицы универсальным и позволяет применять его к языкам различного строя, в частности, к агглютинативным, таким как японский, не вдаваясь в трудности, связанные с выделением в таких языках слов в противоположность аффиксам и формантам.

Таким образом, служебными предлагается считать единицы, которые служат для указания на связь между другими единицами. Для формализации этого свойства обратимся к сущностному подходу, разработанному З.М. Шаляпиной (3).

В рамках этого подхода все языковые единицы, не являющиеся синтагматическими отношениями, признаются устроенными одинаково: как сущности - носители валентностей. В частности, одинаково устроены единицы с разной степенью морфологической и синтаксической самостоятельности, так что, скажем, какой-нибудь словоизменительный аффикс не отличается в этом отношении от предлога и от полнозначной лексической основы. Зато при установлении структурных связей между единицами в тексте различаются две ситуации - 1) когда некоторая единица реализует собственные валентности, 2) когда она реализует валентности, унаследованные ею от другой сущности (3, с.60).

Вторая ситуация типична для единиц, традиционно относимых к служебным. Например, сильноуправляемый предлог наследует ту валентность своего хозяина, которую заполняет, после чего реализует ее как собственную, но с сохранением ее семантической интерпретации и селекционных ограничений:

ожидать*_{v3} от*_{v2(v3)} сотрудников² (3, с.69)

Совершенно аналогично функционируют так называемые "падежные" показатели в японском языке:

---

² Валентности обозначаются при их носителях символом * с идентификатором v_i ; для унаследованной валентности в скобках указывается также идентификатор наследуемой валентности.

минна **ни***v2(v3) *ханасу**v3
 все в рассказать "Рассказать всем"

В каждом из этих сочетаний показатель *ни* реализует в виде своей второй валентности какую-нибудь валентность, унаследованную от своего синтаксического хозяина. Ее семантическая интерпретация и селекционные ограничения при этом сохраняются, что и вызывает на первый взгляд разброс в интерпретациях самого показателя.

Возможно, отдельной сущностью является *ни* как показатель цели в примерах вроде следующего:

ко:хи: о номи **ни** *ику*
 кофе ПД пить:ИС в идти "Пойти выпить кофе"

В такой конструкции *ни* употребляется с ограниченным набором глаголов движения (*ику* "уйти", *куру* "прийти", *каэру* "вернуться" и с некоторыми другими). Решение относительно роли показателя зависит от того, признавать ли у этих глаголов актантную валентность на цель. Если такая валентность есть, *ни* при них выступает, как и в предыдущем случае, в качестве сильноуправляемого валентностного наследника; если ее нет, целевое значение действительно привносится самим показателем, который реализует собственные валентности.

Отдельную структуру следует также усмотреть еще в одном типе употреблений *ни* (Б.П. Лаврентьев рассматривает его отдельно от дативного показателя, как формант в составе наречий, образованных от прилагательных и существительных). Здесь *ни* также заимствует валентность, но не от своего синтаксического хозяина, а от слуги:

дзию: **ни***v2(v2) *нару**v2 vs. *дзию:**v2 **ни***v1(v2) *угоку*
 свобода в стать "Стать свободно"
 свобода в двигаться "Свободно двигаться"

Если в первом из этих примеров реализуется валентность глагола *нару* "стать" на результат, то во втором - валентность свободы на ее содержание.

Можно выделять для данного случая отдельную сущность (отдельное значение показателя *ни* или даже, вслед за Б.П. Лаврентьевым, омонимичную ему единицу); можно предусмотреть для единой сущности *ни* - валентностного наследника две разных возможности наследования валентностей в зависимости от "предпочтений" валентностного источника. Вопрос, какое из двух решений выбрать, заслуживает отдельного рассмотрения, но в любом случае для данной служебной единицы описание с точки зрения структурных валентностей оказывается примерно вдвое более экономным по сравнению по меньшей мере с одной из грамматик, не использующих этот аппарат.

В качестве валентностных наследников выступают, естественно, не только показатели сильного управления. В японском языке, как и в русском, широко распространены такие единицы, которые не заполняют собой наследуемую валентность, а только перехватывают ее, одновременно сами подчиняя валентностный источник; таковы слова - значения лексических функций типа *Орег_i*, *Func_i*, *Labог_{ij}*:

кайгай бо:эки ва нагасаки ко: номи о тооситэ оконаварэта (6, с.1289)
 заграница торговля ТОП Нагасаки порт лишь ПД проходя **вести:ПАСС.ПВ**
 "Внешняя торговля **велась** только через порт Нагасаки".

Здесь глагол *оконау* "вести, осуществлять", присоединяя сирконстант *нагасаки ко: о тооситэ* "через порт Нагасаки", реализует валентность, унаследованную от своего прямого дополнения *бо:эки* "торговля". В сочетании с другими прямыми дополнениями от них будут заимствоваться другие валентности, например, инструментальная:

компю:та дэ эйдзо: сёри о оконау
 компьютер на изображение обработка ПД вести
 "Осуществлять обработку изображения на компьютере".

Рассмотренный выше показатель *ни* всего в двух структурах выступал как валентностный наследник, т. е. как служебная единица, а в остальных реализовывал собственные валентности, т. е. был полнозначным. Подобная полисемия характерна и для лексико-функциональных слов; для некоторых именно самостоятельное употребление является центральным, а наследование ограничено достаточно узким кругом валентностных источников. Например, для глагола *хатараку* "работать" это названия преступлений:

го:то: / бо:ко: / саги о хатараку
 грабеж / хулиганство / мошенничество ПД **работать**
 "Совершить ограбление/хулиганство/мошенничество".

Многозначность не вредит предлагаемому определению служебных единиц, как не вредила традиционному: "наряду с полным их обособлением (омонимией) ... существуют варианты, когда связь служебного слова со знаменательным отчетливо осознается говорящим, ср. употребление глагола *to do* в английском языке в таких конструкциях: *he did it* "он сделал это" (знаменательное) - *he did not eat* "он не ел" (служебное)" (2, с.472). Однако определение через валентностное наследование все же нуждается в уточнении. Не всякую единицу, встретившуюся в тексте в качестве валентностного наследника, хочется объявить служебной. Во-первых, некоторые единицы кроме унаследованных валентностей реализуют также и собственные. Хороший пример - японский показатель каузатива; он отнимает у глагола, к которому присоединяется, первую валентность и изменяет ее оформление, но при этом добавляет собственную валентность каузатора:

кайдзоку га фунэ о осотта
 пират ПОДЛ корабль ПД атаковать:ПВ
 "Пираты напали на корабль".

кайдзоку но сэнтё: га кобун ни фунэ о осовасэта
 пират ГЕН капитан ПОДЛ подчиненный в корабль ПД атаковать:КАУЗ.ПВ
 "Капитан пиратов велел подчиненным напасть на корабль".

Во-вторых, и не имеющие унаследованных валентностей единицы могут одновременно являться валентностными наследниками и обладать большим или меньшим собственным значением. В частности, к лексико-функциональным единицам примыкает фазовая лексика:

А си га дзиккэн*_{v1} о оконау*_{v1(v1)} А си га дзиккэн*_{v1} о
хадзимэру*_{v1(v1)}
 А г-н ПОДЛ эксперимент ПД **проводить** А г-н ПОДЛ эксперимент ПД **начинать**
 "Господин А проводит эксперимент". "Господин А начинает эксперимент".

Оба глагола, *оконау* "вести" - "чистый" Oreg_1 , - и *хадзимэру* "начинать", одинаково присоединяют валентностный источник *дзиккэн* "эксперимент" как свой второй актант, а его первую валентность заимствуют и реализуют как свою собственную. Разница в том, что один можно считать семантически пустым, а другой привносит фазовое значение. Аналогично функционируют модальные единицы, глагольные показатели в составе японских форм вежливости и др.

Более того, иногда валентности наследуются словами, совершенно полнозначными с точки зрения традиции. Косвенная реализация валентностей происходит при самом обычном

сочинительном сокращении - один из однородных членов реализует, одновременно с собственными валентностями, "склеенные" с ними аналогичные валентности, которые он наследует от другого однородного члена:

студент подготовился*_{V1(V1)} и *ответил**_{V1} {на все вопросы} (З, с.70)

карьер но *гэнго**_{V1(V1)} *то* *бунка**_{V1}
они ГЕН язык и культура "Их язык и культура"

Объявить в этих примерах слова *подготовился* или *гэнго* "язык" служебными единицами значило бы обесмыслить это понятие.

Таким образом, получается, что валентностные наследники образуют как бы континуум от семантически насыщенных единиц до семантически пустых. Сочинительное сокращение можно считать одной крайностью, сильное управление - другой.

Сравнивая эти два прототипических случая, можно заметить важную особенность, которая их различает. Сочинительные конструкции представляют собой достаточно свободные сочетания. Конечно, необходимо валентностно-семантическое согласование между их участниками, но в общем случае нельзя с точностью до имени лексемы предсказать один из однородных членов по другому. Напротив, сильное управление высоко идиоматично. В наиболее ярких случаях для соответствующей валентности допустим только один наследник, и его нельзя предсказать, а надо запоминать вместе со словом-источником - русский глагол *зависеть* с предлогом *от*, японский *акиру* "потерять интерес к чему-либо, наскучить чем-либо" с дативным показателем *ни* и т. п.

Тем, что выделяет служебные единицы из общей массы словаря, вполне может быть именно идиоматичность. Они не просто способны выступать в качестве наследников чужих валентностей, а специально предназначены для этой функции. Более формально, речь идет о ситуации, когда среди свойств некоторой валентности у единицы-источника есть, наряду с семантической интерпретацией этой валентности, селекционными ограничениями и другой информацией, прямое указание на единицу или список единиц, способных быть наследниками данной валентности.

Сама единица-источник может быть конкретной (по-русски *одержать* требуется в качестве наследника, пожалуй, единственным валентностным источником *победа*), но это не обязательно. Наследник может задаваться также обобщенной сущностью - классом единиц (выше приводился японский пример класса слов, обозначающих преступления и сочетающихся с лексико-функциональным значением глагола *хатараку* "работать"), в том числе очень обширным классом. Так, показатель подлежащего *га* в японском языке выступает наследником первой валентности практически у всех глаголов и предикативных прилагательных, то есть способность сочетаться с ним принадлежит сущностям уровня частей речи. Задавать единицу-наследник может и грамматическая сущность, например, инфинитив и причастие в английском языке, сочетающиеся соответственно со вспомогательными глаголами *be* и *have*. Принципиально лишь, чтобы единица-наследник указывалась по имени, потому что именно это делает ее служебной.

Таким образом, предлагается определить понятие служебной единицы в терминах сущностного подхода на основании валентностных свойств и идиоматичности. Служебной предлагается считать такую единицу, которая способна выступать в качестве валентностного наследника и допустимость которой в этом качестве в явном виде входит в свойства хотя бы одной другой единицы - валентностного источника любой степени обобщенности.

Использованные грамматические сокращения:

ГЕН - показатель генитива

ИС - именной статус глагола
КАУЗ - каузативный залог
ПАСС - пассивный залог
ПВ - прошедшее время
ПД - показатель прямого дополнения
ПОДЛ - показатель подлежащего
ТОП - показатель топика

Литература

1. Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Шаляпина З.М. Структурные валентности как универсальный инструмент описания синтагматики (в рамках сущностного подхода к ее моделированию) // Московский лингвистический журнал. Т.5, №2. М.: РГГУ, 2001. С. 35-84.
4. Фельдман Н.И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях // Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957. С. 9-35.
5. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М.: Живой язык, 1998.
6. Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary / Koh Masuda ed. Tokyo: Kenkyusha, 1974.